

ОТЕЦ ЛУИДЖИ ДЖУССАНИ 1922–2005

Тексты из фильма «*Отец Луиджи Джуссани. 1922–2005*», вышедшего в Италии 21 февраля 2015 г. и приложенного на диске к ежедневной газете «*Corriere della sera*»

Предисловие

Встретиться с отцом Джуссани, с его взглядом, с его человеческим трепетом

Этот фильм – воспоминание об отце Джуссани в десятую годовщину его рождения для Неба. Публикация книги «Жизнь отца Джуссани» (*Vita di don Giussani*), ее многочисленные презентации, а также видео «Прекрасная дорога» (*La strada bella*), подготовленное по случаю шестидесятилетнего юбилея движения «Общение и освобождение», пробудили интерес к личности отца Джуссани, масштабы которого невозможно было и вообразить. Я первый остался под впечатлением.

В эти месяцы мы видели, как растет стремление лучше познакомиться с ним поближе: многие люди, слышавшие о нем, читавшие его биографию или столкнувшиеся с делами, родившимися благодаря ему по всему миру, выразили желание узнать, каким был отец Джуссани, как он говорил, как выражал себя.

Чем ответить на такое любопытство? Как разделить со всеми то, что случилось с нами – с теми, кто встретил его?

Так возникла идея этого видео, которое позволит людям, никогда не видевшим Джуссани, «встретиться» с ним, с его взглядом, с его темпераментом, с его человеческим трепетом перед лицом обстоятельств, уловить в его голосе, что значила для него встреча со Христом, увидеть иную человечность, порождаемую Христом, и притягательность личности, признающей Его присутствие.

Директор газеты *Corriere della Sera* Ферруччио де Бортоли сразу же подхватил идею о создании фильма. Именно он помог в реализации проекта, который в какой-то степени должен утолить желание тех, кто хочет увидеть, как говорил Джуссани.

Через жизнь и слова отца Джуссани мы открыли для себя в христианстве притягательную реальность; ему мы обязаны интересом к собственной жизни и к человеческому пути. Это очарование никогда нас не оставляло. Мы можем спотыкаться, падать тысячу раз и тысячу раз подниматься, но мы никогда не сворачивали на другую дорогу.

Главный герой фильма – отец Джуссани, человек, призванный Богом и в силу этого призывавший протагонистом истории, которая не прерывается и спустя десять лет после его смерти. Благодаря произнесенному им «да» расцвели и другие «да», другие «я» – самые обыкновенные люди, живущие сегодня той же новизной, о которой отец Джуссани свидетельствовал всей своей жизнью.

Хорошего просмотра!

Хулиан Каррон

Президент Братства «Общения и освобождения»

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА

Основная проблема человека, любого человека в любую эпоху до самого конца истории с того момента как весть о Боге, ставшем человеком, была принесена, вошла в мир, величайшая проблема жизни такова, и невозможно помыслить о большей проблеме, то есть человек не в состоянии вообразить бóльшую проблему для своей свободы. Христос: да или нет.

*

«Что толку, если ты получишь все, чего тебе хочется, а потом потеряешь себя самого? Что даст человек в обмен на себя?» Так вошел в мир смысл уважения, благоговения, привязанности, любви, доверия, ответственности по отношению к личности. Личность! Христианство родилось не для того, чтобы появилась еще одна религия, оно родилось как пламенная любовь к человеку. Любовь к человеку, благоговение перед человеком, нежность к человеку, страсть к человеку, абсолютное уважение человека.

*

«Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» Ни один вопрос в жизни не поразил меня так, как этот.

*

В это мгновение для меня нет ничего более глубокого и страшного и одновременно более очевидного, чем то, что не я создаю себя, не я даю себе бытие. В это мгновение то, что в наибольшей степени является моим, мне дано. Если в этот конкретный момент существует очевидность ощутимо более великая, более притягательная, более страшная по сравнению с этой очевидностью... в этот момент я должен сказать: «Ты, творящий меня». В общем, я создан, я дан, я дар Иного – Иного, Который, конечно, скрывается за словом «Тайна».

*

Тайна милосердия выходит за рамки всякого человеческого представления о спокойствии или отчаянии; чувство прощения также пребывает в этой тайне Христа. Тайна как милосердие остается окончательным словом и обо всех бедах истории. Посему конечный идеал, в котором выражается существование, есть *просьба*, мольба. Подлинным главным героем истории является просящий: Христос, просящий сердца человека, и сердце человека, просящее Христа.

*

ЖУРНАЛИСТ: Почему вас так ждали?

ОТЕЦ ДЖУССАНИ: Потому что я верю в то, что говорю.

ЖУРНАЛИСТ: И это все?

ОТЕЦ ДЖУССАНИ: Да!

*

Человеческое «я» жаждет Бога, то есть, как говорит Иисус, «жаждет вечной жизни». Без этой жажды все было бы тусклым, темным или же невыносимо ничтожным: чем в большей степени человек является человеком, чем глубже сознательность «я», чем порывистее оно проявляет любовь, тем в большей степени без этой жажды все было бы удушающим и невыносимым. «Я» жаждет вечности, «я» – это отношение с бесконечным, то есть с такой реальностью, которая превосходит любые границы познания.

*

Бесконечное есть *реальность!* Вся сущность человека, вся его сущность и все его достоинство, страсть, да, страстность и взволнованность, которые пробуждаются в нем, когда он смотрит, словно в театре, на человеческое «я», – в том, чтобы сказать «ты»; в том, чтобы, встретив незнакомца или повзрослев, впервые в жизни обнаружить, что говоришь «ты» осознанно. *Ты!* То есть нечто другое: ты не я. Ты не я: я не могу злоупотреблять тобой, я не могу использовать тебя, я не могу присвоить тебя, не могу украсть тебя, не могу свести тебя к себе, нет! И тогда человек понимает, что такое уважение, почтение, поклонение. Мужчина, не переживавший такого в отношениях с женщиной, никогда ее не любил, никогда!

САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ СВЯЩЕННИК МИЛАНСКОЙ ЕПАРХИИ

Как моей маме удавалось сообщить мне религиозное чувство, которое она сама получила? Откуда она умела так читать Евангелие, что я не отходил от стола – я едва доставал до его края – и смотрел, как она читала?

Она рассказывает мне о самарянке, она рассказывает... как мой отец... Он подходил к моей кровати и рассказывал притчу о богаче-обжоре (отец был ярким социалистом и поэтому каждый вечер говорил про богача-обжору!). И я слушал с открытым ртом и не уставал! В отце было что-то сродни произошедшему в притче, той же природы: он чувствовал, вновь ощущал актуальность этой истории. И он рассказывал мне евангельскую притчу с пылом человека, который испытывал в своей жизни несправедливость, или справедливость, или жажду справедливости, голод голодающего и пресыщенность сытого.

*

Я помню мгновение, и трепет, и томление того мгновения жизни, когда я понял и когда для меня наполнился смыслом факт существования Бога.

Я был в семинарии, в первом классе лица: на уроке музыки, посвященном Доницетти, учитель поставил пластинку с отрывком арии из четвертого акта «Фаворитки». Когда прекрасный тенор запел «*Spirto gentil de' sogni miei, brillasti un dì ma ti perdei*», когда зазвучала первая нота, я с томлением понял: Тот, Кто называется Богом, неминуемая судьба, ради которой рождается человек, есть цель потребности в счастье, есть то счастье, потребностью в котором является сердце. Человеческое «я», сердце человека есть потребность в счастье.

*

КБЯРА БЕРИА ДИ АРДЖЕНТИНЕ: Кто же такой отец Джуссани?

ОТЕЦ ДЖУССАНИ: Самый обычный священник Миланской епархии, проделавший весь путь семинарской жизни – целиком, начиная с десяти лет.

КБЯРА БЕРИА ДИ АРДЖЕНТИНЕ: То есть вы вошли в семинарию, когда вам было десять?

ОТЕЦ ДЖУССАНИ: Да. И оставался там потом еще несколько лет как преподаватель. И вышел оттуда, чтобы посвятить себя преподаванию религии в государственных учебных заведениях, чтобы попытаться сообщать религию наиболее доступным для молодых людей способом.

*

Я только вернулся из поездки. В поезде я встретил группу студентов, которые направлялись в Каттолику. Между нами возникла перепалка, и я, верующий, видя их упорное неверие, прекрасно осознавал, что оно было поверхностным. Это по незнанию, заключил я, по неведению они так говорили, так поступали, так вели себя... по неведению! Значит, христианство было передано им, они встретили христианство таким способом, который не годился, не подходил, не объяснял его смысл, не прояснял, который оказался неподобающим. То есть все дело было в методе. Метод, путь, по которому к ним пришло христианство, не был правильным путем, он не охватывал здоровым образом ценности, обещанные жизни человека этим самым христианством. Вот почему я решил оставить изучение богословия, которое внезапно показалось мне сухим и абстрактным на фоне этой ситуации, и пошел преподавать религию в один из миланских лицеев.

*

Мой случай подобен случаям многих других людей, любящих молодежь, которым по благодати Божией – и в этом смысле можно говорить о харизме – удается передать им уверенность и привязанность, на какие те казались неспособными.

*

Поднимаясь по трем ступенькам лицея Берше, я говорил себе: «Зачем я сюда иду? Я иду, чтобы дать этим ребятам возможность узнать то, что узнал я; если я узнал это, услышал о причинах, почему не должны и они? Потом уж свобода укажет угодный ей путь».

*

КБЯРА БЕРИА ДИ АРДЖЕНТИНЕ: Вы сказали, что на самом деле развиваете подлинные причины, вдохновлявшие людей в 1968 году. Не могли бы вы лучше объяснить эту вашу позицию?

ОТЕЦ ДЖУССАНИ: Мы были полностью согласны с любовью к подлинности, потребностью в подлинности или в свободе, которые воодушевляли людей на начальной стадии протеста 68-го года. То есть, чтобы общество было более настоящим, чтобы им управляли более показательным образом, – такое желание ощущали не отдельные личности, думаю, это было общее, всеобщее желание. Наше зарождение в 1954 году вдохновлялось тем же самым: стремлением созидать более человеческое человечество. Я всегда цитировал одну очень выразительную фразу из Евангелия. Господь говорит: «Кто последует за мною, наследует жизнь вечную и в веке сем во сто крат». Я говорил в классе: «Я могу понять, что вы, в силу ограниченной фантазии, не желаете вечной жизни, но если вы не желаете получить во сто крат уже сейчас, то вы просто дураки, ведь сто крат сейчас...» Мы, как и все остальные, хотим лучшего человечества, но переживать само себя лучшим образом самостоятельно, лишь за счет собственных проектов, собственных фантазий, собственных сил человечество не в состоянии.

Вот что мы хотим сказать названием «Общение и освобождение»: лишь общение с Богом, которое Тот сделал возможным через Христа, лишь общение между людьми, признающими это, – распространяясь, созидает оазис более истинной человечности.

*

В это время, когда Господь посылает мне последний крест в жизни, обычная тема моего размышления – восьмой псалом Давида. Вы его хорошо знаете... но я все равно прочту. «Господи Боже наш! как величественно имя Твое по всей земле...»

РИСК РОДИТЕЛЯ, СВОБОДА СЫНА

Помню, в первые годы преподавания религии в спорах и дискуссиях с классом я часто говорил: «Пожалуйста, отправьте нас, духовенство, скитаться нагими по улицам, возьмите все, но не отнимайте у нас возможности воспитывать». В последующие годы я с горечью должен был констатировать (поскольку говорил я это тридцать лет назад), что мы искали всего, но принесли в жертву именно свободу воспитания.

Человек развивается в отношении, в общении с другим. И этот другой настолько же изначально необходим для самого существования человека, насколько необходим для того, чтобы человек достигал собственного свершения, становился истинным, становился все больше самим собой. Вот что суждено человеку – стать самим собой в полной мере. Для этого воспитание должно стремиться – хотя бы потенциально – ввести человека в целостность реальности.

*

Сердце, как называет его Библия, эта исконная человеческая фактура... Эта совокупность потребностей, отсылающих к судьбе, – потребности в счастье, и в истине, и в судьбе, к которой эти потребности ведут, Библия называет все это «сердцем»: сердцем человека, обнаруживающим себя как потребность в истине, красоте, добре, в справедливости и счастье, – одинакова во всех людях, во всех!

*

Отец и мать являются отцом и матерью не только потому, что дают растущему чаду сначала молоко, а потом кашу; отец и мать дают ему себя, отец отдает своему ребенку самого себя.

*

Итак, в Библии слово «сердце» определяет конечный критерий истины для человека и выявляет его предназначение. Если некоторая вещь соответствует сердцу – сердцу, понимаемому таким образом, значит, она правильна; если же эта вещь сердцу не соответствует, то она ошибочна, направлена против человека. Соответствие объясняет, Несоответствие уводит от ясности.

*

Беспрерывно предлагать, надеясь сверх всякой надежды в любой ситуации, постоянно пользуясь возможностью показать разумность того, что утверждается, что дается, даже когда кажется, будто реакция направлена в противоположную сторону, даже когда кажется, будто собственный сын или воспитанник непроницаем, даже когда он очевидным образом выбирает другие пути, – продолжать, следуя отцовскому и материнскому, родительскому долгу, с сокрушенным сердцем, с ужасной горечью, продолжать преодолевать отчаяние. Именно тогда возникает «риск» воспитания: нам, взрослым дано любить, то есть предлагать

проверку и сопровождать в ней человека, чтобы тот, кому сделано предложение, мог осознать причины, как осознали их мы. Это и есть любовь. Она не может быть требованием послушания, якобы ведущего к некоей уверенности, к еще не сформировавшемуся убеждению. Человек, а значит, и ребенок или подросток, есть свободное отношение с судьбой, с бесконечным, с Богом, с истиной и благом. Это отношение свободно, а потому таинственен путь, по которому человек устремится на поиски судьбы.

*

Задаваться вопросом о том, что вам было дано, о том, что вы обрели, или о том, что прочитали, о том, что вновь узнали, – правильно, это называется критикой! Святой Павел дает самое прекрасное определение критики: *panta dokimážete to kalòn katéchetē*, взвешивайте всякую вещь, держитесь прекрасного, прилепляйтесь к нему, к ценности, которая является в вещах, ведь красота – это сияние истины, способ, которым истина открывается человеку; взвешивайте всякую вещь – именно так возрастает зрелый человек, взвешивайте всякую вещь и держитесь ее ценности, сути, интереса, который эта вещь представляет для вашей конкретной жизни, для вашей сегодняшней жизни, для вашего существования: держитесь ценности, которую представляют для вашего существования вещи.

*

Стефан, сотник, Петр... все эти люди пришли сюда, прошли по этим местам. Что владело ими, о чем они думали?

*

ИОАНН ПАВЕЛ II: Никогда не позволяйте, чтобы в вашем вовлечении поселился червь привычки, рутины, старости! Это не угроза, не угроза, как говорил монсеньор Джуссани: есть молодые, есть менее молодые... самым старым должен бы быть папа... Но и он, как и все самые пожилые, пожилой в значении пастырь, по выражению святого Петра, стремится быть молодым, молодым духом.

ВЕСЬ МЕСЯЦ Я ЧИТАЛ ЛИШЬ ЛЕОПАРДИ

Я познакомился с Леопарди в мае третьего года обучения в гимназии – я тогда был в семинарии. Наткнувшись на стихотворение «Вечер праздничного дня» (мне его тогда еще не задали), на протяжении всего месяца я читал только Леопарди, уча его всего наизусть. С того времени я каждый день повторял одну или другую из его «Песен», пока не встретил ту, что стала привычным словом благодарения за Святое Причастие. Когда я рассказал об этом на одной из встреч священников (к тому моменту уже появилась «Студенческая молодежь»), кардинал Джованни Коломбо, который был там, воскликнул: «Знай я раньше, никогда бы не рукоположил тебя!» – позже мы услышим и сами стихи. Слава богу, что он не знал!

Из стихотворения «*К моей донне*» Джакомо Леопарди

Ты, красота, внушаешь издали любовь: твой образ зыбко то входит в сон, то сердце потрясает, Божественная тень, ты в час, когда блестит в полях природы утренней улыбка; невинностью дыша, не ты ль блаженство веку золотому дала? Паришь ли, легкая душа, над миром, иль тебя скрывает рок скупой затем, что в будущем твой срок? Нет у меня надежды узреть тебя живой когда-нибудь. (...)

Бессмертная идея, коль чувственную формой пренебрегаешь, не желая пасть на Землю из обители нетленной и зная страданья власть; иль средь миров бесчисленных Вселенной избрала для себя прекрасней мир, светящую нежней звезду близ Солнца, и там вдыхаешь ласковый эфир,— прими с Земли, на муки обреченной, гимн, что поет неведомый влюбленный.

«Прими гимн, что поет неведомый влюбленный». Неведомый влюбленный. Безвестный человек, влюбленный в эту воплощенную красоту, которая, если не на путях мира сего, все равно будет где-то, на какой-нибудь другой звезде небосвода, в одном из платоновских миров. Безвестный влюбленный: я неведомый влюбленный в Тебя; Ты, Бог ставший плотью, неведомый влюбленный в меня, неведующего о Тебе, не познавшего Тебя, не помнящего о Тебе. Это в буквальном смысле христианская весть, как узнал ее я, какой она объективно является. То, о чем Леопарди говорит как о наивысшей потребности увидеть красоту и прожить отношение с ней, с красотой, ставшей плотью, произошло две тысячи лет назад. «Слово стало плотью» значит, что Красота стала человеком, Справедливость стала человеком, Добро стало человеком, Истина стала человеком. *Quid est veritas? Vir qui adest.* Что есть истина? Муж, здесь предстоящий. Гений Леопарди пророчествовал об Иисусе спустя тысячу восемьсот лет после Его существования. Всякий гений является пророком, во всяком великом гении есть пророчество. Поищите пророчество и вы найдете его: Леопарди – пророк воплощенного Слова.

ВЕРА, НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ОТ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЖИЗНИ

Необходимо показать неотъемлемость веры от потребностей жизни. Вера, которая не может быть обнаружена и обретаема в опыте настоящего и подтверждена им, которая не приносит пользы в ответе на насущные потребности, такая вера не в силах устоять в мире, где все, *все* противоречило и противоречит ей.

*

ОТЕЦ ДЖУССАНИ: Уже Элиот с определенной уверенностью хотел что-то сказать, когда задавался вопросом: «Это люди предали Церковь или Церковь предала людей?»

РОБЕРТО ФОНТОЛАН: Я всегда спрашивал себя, кого в этой фразе критикует Элиот: Церковь или человечество?

ОТЕЦ ДЖУССАНИ: И то и другое. Прежде всего, человечество предало Церковь, ведь если я в чем-то нуждаюсь, то бегу вослед, когда это что-то ускользает. Но никто не побежал...

РОБЕРТО ФОНТОЛАН: А в какой момент Церковь предала людей?

ОТЕЦ ДЖУССАНИ: По-моему, по-нашему, Церковь начала предавать людей, когда забыла, кем был Христос, она не опиралась на Него... она стала стыдиться Христа, стала стыдиться говорить, кто такой Христос.

*

Однако никакая наша слабость не сможет разочаровать или остановить нас: в милосердии, открывающемся на Кресте, – неисчерпаемый источник той сияющей и убедительной силы, что будет неустанно помогать нам начинать заново, «надеясь сверх всякой надежды».

*

Вера представляет собой масштабную рабочую гипотезу, данную нам традицией. Однако, если не вовлекается опыт, она остается исключительно на абстрактном уровне и выражается

лишь в обрядах и моралистических заботах, тогда как вера – это жизнь, способ воспринимать и чувствовать жизнь.

*

Это и есть наша первостепенная задача: она не в том, чтобы быть отцом или матерью, не в том, чтобы быть журналистом или инженером, не в том, чтобы быть военным или рабочим, не в том, чтобы побеждать на выборах или рабски служить хозяину. Не во всем этом. Наша задача состоит в том, чтобы распространять по миру великое послание Христа.

*

Мне была дарована вера, чтобы я передал, сообщил ее другим. Нам была дарована вера, чтобы мы могли сообщить ее другим, и на основании этого будет судиться наша жизнь. Чтобы человек узнал Христа, чтобы человечество узнало Христа – вот задача того, кто призван, задача народа Божия, миссия. Я избрал вас, чтобы вы отправились в путь.

ОН РОДИЛСЯ, ЧТОБЫ ВЕСЬ МИР ИСКАЛ ЕГО

Иисус повернулся и, видя, что они следуют за Ним, спросил: «Чего ищете?» Они ответили: «Равви, где Ты живешь?» Он сказал: «Пойдите и увидите». Вот *истинно* христианский подход, христианский метод: «Пойдите и увидите».

*

Услышавшие Его в первый раз Иоанн и Андрей пошли домой и сказали: «Мы нашли мессию». Они не понимали, что это значит: «Мы нашли мессию» – они повторили слова, которые услышали от Него. Их поразило, что в этом Человеке было нечто странное, исключительное, ни с чем не сравнимое, немислимое, неожиданное, не проистекавшее из чего-то предшествующего, прошедшего, но властно являвшееся взору.

*

И представьте тех двоих, которые несколько часов кряду слушают Его, а после собираются домой. Он провожает их, и они уходят притихшие, молчаливые, охваченные впечатлением, что услышали, предошутили, ощутили тайну. Затем они расстаются, каждый идет к себе домой. Они не прощаются, вернее, прощаются, не прощаясь, потому что их переполняет одно и то же чувство, они стали как бы одним целым, ибо были переполнены общим чувством. Андрей входит в дом, снимает плащ, и жена спрашивает его: «Что с тобой, Андрей? Ты сам не свой. Что случилось?» Представьте себе, как Андрей разрыдался, обняв жену, и она, потрясенная, все спрашивала его: «Что с тобой?» А он обнимал жену, как, может быть, никогда в жизни; он стал другим человеком. Другим! Это был он же, но уже другой. Спроси его кто-нибудь: «Кто ты?» – он ответил бы: «Я чувствую, что стал другим... Послушав того человека, я стал другим». Ребята, вот что произошло, если не особо вдаваться в тонкости.

*

«Блаженны нищие, ибо их есть Царствие». «Он сумасшедший?» Нет, он не сумасшедший. Это выражение определенного восприятия личности, человеческого «я», видения общественных отношений, суждения о власти имущих и тех, кто им служит, будущей

перспективы, отношения к детям. Кто знает, как Закхей злился на свою жену; люди, имеющие дело с деньгами вспыльчивы: терпеливы с клиентами и вспыльчивы с женами. Закхей и после того вечера злился на жену, но начал испытывать от этого боль, беспокойство, он был потрясен, он изменился.

*

Увидев похоронную процессию, Он тотчас спросил: «Кто это?» «Юноша, у которого недавно умер отец». И его мать все кричала, и кричала, и кричала, следуя за гробом, кричала – не как было принято в те времена, а как подсказывает природа материнского сердца, свободно выражающего себя. Он сделал шаг ей навстречу и сказал: «Женщина, не плачь!» Есть ли что-то более несправедливое, нежели сказать одинокой женщине, у которой умер сын: «Женщина, не плачь»? Но это был знак бесконечных сострадания, любви, соучастия в боли. И сказал сыну: «Встань!» И отдал ей сына. Но Он не мог отдать ей сына, не сказав ничего, потому что тогда Он остался бы суровым пророком, чудотворцем, человеком, совершающем чудеса. «Женщина, не плачь», – сказал Он. И отдал ей сына. Но прежде сказал: «Женщина, не плачь».

*

Мне как-то неловко комментировать эту страницу, но я тем не менее приглашаю вас всем сердцем обратиться к тому, что невыразимо, что невозможно высказать, к тайне Божией, к которой прикасается человек, и к человеку, которого затрагивает Тайна Божия.

Он только вначале спрашивает: «Симон Ионин, любишь ли ты Меня больше, нежели они?» И можно понять, почему Петр ответил: «Конечно, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя». Но во второй и третий раз Христос говорит лишь: «Симон, любишь ли ты Меня?» Не больше... не меньше...

Попробуем заглянуть в душу того человека, простого и прямолинейного, сердце которого при виде Господа переполняли воспоминания о предательстве. Его предательство было эпифанией, эпифеноменом, явлением в определенный момент того, что присутствовало в нем: грубости, низости, упрямства, страха, робости, трусости, ничтожности; все это было в нем! Душа Петра была полна этим, и перед вопросом Христа все это вышло наружу, предательство оказалось своего рода лакмусовой бумажкой. Его ничтожность вышла наружу. Церковь сказала бы: «Осознаем наши грехи, чтобы достойно участвовать в Святах Тайнах». Сколько из нас повторяют эти слова, когда Церковь требует от нас произнести их! Симон ощутил всю свою малость, все свое малодушие и человеческую ничтожность; «Симон, любишь ли ты Меня больше, нежели они?» Когда он ответил: «Господи, конечно, я люблю Тебя»; когда он сказал: «Господи, Ты все знаешь, несмотря на видимость, несмотря на то, каким я кажусь сам себе, Ты знаешь, что я люблю Тебя» «Люблю Тебя» означает «желаю Тебя», то есть «утверждаю Тебя, признаю, Кем Ты являешься для меня и для всего, – вот переворот морализма и справедливости, которую творим мы. Тот бедный грешник, подобный нам и к тому же только что предавший столь недостойным образом, как, возможно, никогда не случалось с нами, все же любил Его.

И тогда Господь сказал ему: «Я поручаю тебе Мое свидетельство в мире». Он поручил Свое свидетельство, Своих овец и агнцев, поручил Свое Царствие в мире тому ничтожному грешнику.

*

Его искали. Он родился, чтобы весь мир искал Его. Он был взволнован, и внезапно Ему, Который был человеком, подобным нам, и у Которого, как и у нас, идеи возникали в конкретных обстоятельствах, приходит в голову нечто фантастическое. Он изменил смысл

Своих речей и воскликнул: «Не слово Мое, но Мое Тело дам вам в пищу и кровь мою в питье!» Зацепка – наконец-то у политиков, журналистов и «телевизионщиков» того времени появилась зацепка: «Он безумен, кто может дать в пищу собственную плоть?»

Все начали уходить прочь: «Безумец, безумец, – говорили они, – *durus est hic sermo*, какие странные слова». И вот в вечернем полумраке остались лишь Он и Двенадцать.

«Не хотите ли и вы отойти?» И Симон Петр, упрямец Петр: «Учитель, мы тоже не понимаем то, что ты говоришь, но, если уйдем от Тебя, куда нам идти?»

Те двое, Иоанн и Андрей, и те двенадцать, Симон и остальные, сказали своим женам, и некоторые из жен последовали за ними...

Они сказали и другим друзьям.

А друзья сказали своим друзьям, и друзьям друзей, и еще каким-то друзьям. Так прошел первый век, и эти друзья своей верой захватили второй век, а вместе с тем и географический мир. Они достигли Испании в конце первого века и Индии во втором. Затем жившие во втором веке сказали другим, родившимся после них, а те – пришедшим им на смену, – словно мощный поток все расширялся, словно великая река все больше наполнялась водой, – и наконец, сказали моей матери, моей маме. И моя мама сказала мне, когда я был маленьким, и я говорю: «Учитель, я тоже не понимаю твоих слов, но, если мы уйдем от Тебя, то куда направимся? Лишь у Тебя слова, отвечающие сердцу».

*

Одна из вас, которая присутствует здесь и в этом году, в конце упражнений написала мне: «Меня зовут так-то, хочу сказать тебе, что я существую. Я молюсь о тебе, а ты помни обо мне. Пока! Постскриптум: пусть между нами никогда и ничто не закончится!» Пусть между нами никогда и ничто не закончится. Вот чего мы желаем друг другу.

*

Я могу исчезнуть, но оставленные мной тексты и непрерывное следование – если Богу будет угодно – людей, выбранных в качестве ориентира и подлинным образом прочитывающих то, что произошло во мне, станут инструментом исправления и возрождения, инструментом нравственности.

*

Надеюсь, моя жизнь протекала так, как Бог ожидал. Можно сказать, что она прошла под знаком неотложной необходимости, ведь каждое обстоятельство и, более того, каждое мгновение для моего сознания было поиском славы Христовой.